

эры. В связи с этим автор пытается проследить преемственность замечательного ювелирного мастерства культуры Триалети середины II тысячелетия до н. э. на протяжении длительного времени. Однако, как ни подчеркивал он эту преемственность, разрыв, о котором упоминает и сам автор (стр. 132), неминуемо получился в одну из эпох, а именно в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

В поисках преемственности в последующих фазах развития культуры Триалети автор рассматривает только один из признаков этой богатой культуры, а именно ювелирное мастерство, и недостаточно уделил внимания прослеживанию путей развития культуры цалкинских курганов в целом. Совершенно необходимо было бы приложить к книге подробную карту всей территории Кавказа с указанием расположения одновременных и разновременных памятников и с нанесением ареалов распространения отдельных племенных объединений, начиная с древнейших периодов.

Б. А. Куфтин уделяет недостаточно внимания, как мне кажется, прослеживанию взаимосвязей вновь открытой им культуры в свете ранее известных памятников Куро-Араксинского Двуречья, хотя бы по времени и более поздних, относящихся к концу II и началу I тысячелетия до н. э. Мало внимания, как мне кажется, уделяет автор и безусловно имевшим место в конце III и начале II тысячелетия влияниям культуры цалкинских курганов в области Северного Кавказа. В эту эпоху влияние переднеазиатских цивилизаций проникает далеко за пределы Цалкинского плоскогорья — на север, и нельзя не вспомнить здесь материалов, стадиально и хронологически близко стоящих к культуре Триалети; это — раскопки майкопского кургана, свидетельствующего о связях с югом, с древневосточными культурами и с областями Передней Азии. В майкопском погребении были также обнаружены многочисленные украшения из драгоценных металлов — золота, серебра, лазурита, сердолика и бирювы, золотые и серебряные сосуды, а также медный проушной топор и плоские медные топоры эпохи раннего металла на Северном Кавказе.

В заключение следует пожелать Б. А. Куфтину продолжить издание серий материалов «Археологические раскопки в Триалети», первый том которых явился блестящей страницей в ряду больших открытий, сделанных советскими археологами за последнее двадцатипятилетие в области изучения прошлого нашей родины.

Г. С. Пассек

«ОЛЬВИЯ», т. I, Изд-во Академии Наук Украинской ССР, Киев, 1940, 304 стр., 108 рис. в тексте, 49 табл.

Археологические раскопки в Ольвии имеют свою историю. Спорадически, с большими промежутками, они велись в течение всей второй половины XIX века. Систематический характер их установился только с 1901 г., когда работу повел покойный Б. В. Фармаковский. С тех пор, хотя и было несколько перерывов, вызванных различными обстоятельствами, но они не повлияли сколько-нибудь существенно на систематичность исследования этого греческого города. Напротив, после того как закончилась гражданская война, раскопки в Ольвии постепенно расширялись и достигли исключительного размаха.

Совместными усилиями научных коллективов Института археологии Академии Наук Украинской ССР и Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР совершается с методичностью и полной компетентностью как вскрытие новых мест древнего города, так и тщательная консервация древних зданий и сооружений. Те же коллективы проводят предварительную камеральную и исследовательскую работу над добытыми материалами. Всю эту научную работу возглавляет член-корреспондент Академии Наук Украинской ССР Л. М. Славин, энергии которого принадлежит колоссальная доля произведенной и производимой работы.

Реальным плодом этой исследовательской работы является рецензируемый кол-

лективный труд «Ольвия», т. I, заключающий в себе отчеты о раскопках за 1935 и 1936 гг., а также публикацию материалов и некоторые исследования. В соответствии с таким характером издания оно распадается на три отдела: 1) отчеты, 2) материалы, 3) исследования.

Отчет о раскопках 1935 и 1936 гг. написан Л. М. Славиним. Прежде всего был подвергнут исследованию раскоп «И». Раскопки открыли, в дополнение к ранее известным, еще ряд погребений, принадлежащих как грекам, так и туземному «скифскому» населению. Продолжалось исследование стены, с IV века до н. э., включившей прежнее кладбище в территорию города. Стена состоит из двух рядов плит, в промежутке между которыми уложен каменный бут. Удалось обнаружить также, что между верхним и нижним городом на специальных террасах воздвигались здания. Открыты большие кварталы эллинистического времени.

Особенно интересно так называемое «большое северное здание», состоящее из одиннадцати помещений и трех дворов. Оно пережило, по крайней мере, три строительных периода. Постепенно уровень мостовой перед зданием повышался, так что со временем пришлось соорудить специальную лестницу для спуска во двор. Наличие в здании нескольких довольно значительных подвалов, алтаря, многочисленных терракот, изображающих Кибелу, Деметру, Афины и Кору, позволяет видеть в этом здании какое-то общественное здание, соединявшее в себе культовые и хозяйственные функции.

Из других зданий отметим еще большое южное здание с интересными хозяйственными помещениями, в частности с кухней, представляющее собою, несомненно, богатый жилой дом эллинистической эпохи.

На верхней террасе открыты остатки зданий двух последовательных строительных периодов. В общем установлено наличие построек III века и до рубежа II—I веков до н. э.

Раскоп «НГ» входит в состав нижнего города. В частности, была открыта крепостная стена послегетской эпохи с комплексом прилегающих помещений. Это открытие показало систему защиты южной части нижнего города, особенно интенсивно жившей в римское время. Комплекс примыкающих к стене зданий состоит из жилищ, что доказывается обилием находок бытового значения: простая керамика, светильники, костяные иглы и шилья, пряслица, оселки, железные ножи и т. п. Особенно интересно здание пекарни с двумя печами во дворе. В другом помещении этого же здания была обнаружена кухонная печь с остатками рыбьих костей и пифоса для кипячения воды. В этом здании найдено и творило размерами 2,12 × 2,75 метра. Интересен под очень большой печи в помещении «е», с устьем до 70 сантиметров шириной. Следует еще отметить несколько открытых в здании больших пифосов. Открытие пекарни позволяет по-новому взглянуть на организацию городской жизни Ольвии в римское время. Обильные находки говорят о жизни послегетской Ольвии с I века н. э. Наибольшее их число падает на II и III века. Особенно много найдено светильников и местной керамики. Лепной керамики становится меньше. Зато возрастает группа серой лощеной керамики с разнообразными геометрическими узорами, представленной кувшинами и мисками.

Раскопки 1935—1936 гг. дают, таким образом, представление о новых видах ольвийских зданий и о стратиграфии послегетских слоев, характеризующих новыми типами местной керамики.

Отчет написан ясно, читается легко и с большим интересом. Очень жаль, что различные фото раскопок лишены масштабов. Это вызывает иногда неточное зрительное впечатление о соотношении величин зданий.

Следующие две статьи в разделе «Материалов» представляют интерес только как публикации вещественных материалов. М. М. Худяк публикует 36 терракот, большей частью из раскопа «И»: три относятся к Кибеле, две — вероятно головки Афины, пять головок — Деметры и т. п. Все описания сопровождаются более или менее удачными аналогиями. Важно указание на ряд импортных статуэток из Малой Азии. Е. И. Леви публикует «Привозную греческую керамику из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.». Сообразно содержанию слоя раскопа «И», в ее работе представлена преимущественно

керамика эллинистического времени. Материал в целом лишний раз подтверждает уже известные категории эллинистического импорта в Ольвию.

Как и все работы Т. Н. Книпович, ее публикация — «Керамика местного производства из раскопа «И» — читается с исключительным интересом. Самым неразработанным вопросом в археологии греческих колоний в СССР является тема о местной керамике. Исследований по ней нет совсем. Есть только упоминания в отдельных отчетах. Согласуя свою работу с технологическим анализом О. А. Кульской, Т. Н. Книпович дает четыре группы местной керамики. Первая группа — керамика, изготовлявшаяся без гончарного круга. Т. Н. Книпович совершенно права, когда она делает вывод, что «типы сосудов... и все детали форм и орнаментации встречаются большое количество повторений в материале типичнейших скифских комплексов». Дополню, со своей стороны, что громадное скифское городище близ Каменки на Днестре полностью повторяет эту группу «ольвийской» керамики. Важно также указать, что, судя по количеству находок сосудов этой группы, роль ее производства в Ольвии была велика. Интересны также приводимые автором образцы керамики, античной по форме, но скифской по технике. Странно, однако, что автор не отмечает, сделана ли эта керамика жгутовой техникой или как-нибудь иначе. По крайней мере, керамика скифская выполнена именно так. Не отмечено также, встречаются ли на днищах керамики этой группы отпечатки ткани, что так обычно для скифской посуды Нижнего Приднепровья. Ко второй группе принадлежит посуда, сделанная на гончарном кругу, но лишенная внешней отделки. Т. Н. Книпович отмечает в них все характерные сорта ольвийских глин. К этой керамике относится прежде всего кухонная посуда (сковороды, разные горшки, кувшины), простые светильники, бальзамари, лутерии и т. п. Как и керамика первой группы, керамика второй группы удовлетворяет самым широким бытовым нуждам. Не менее важна третья группа. Здесь автор устанавливает некоторые наиболее вероятные для Ольвии типы краснолаковой и чернолаковой местной керамики. Четвертую группу составляет местная расписная керамика.

Чрезвычайно важна статья О. А. Кульской «Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий». Автор тщательно изучил ряд фрагментов местной керамики, дал характеристику местного сырья. Показано, что для многих гончарных изделий применялась местная глина, что обработка этой глины бывала различна; установлены температуры обжига; доказано местное изготовление лаковой, по терминологии автора «глазурованной», керамики. Это исследование уже подкрепило археологические повторения и выводы Т. Н. Книпович. Можно не сомневаться, что в дальнейшем работа О. А. Кульской принесет еще более ценные результаты.

Статья М. А. Наливкиной «Костяные изделия из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг.» впервые вводит археолога в понимание роли кости в ольвийском быту. Иглы, шилья, булавки, стили, рукоятки ножей, ложечки, кольца, пряслица и многое другое делалось из кости. Изделия изготовлялись из кости домашних животных, из оленьего рога, из привозных бивней слона. Жаль, что не дан рисунок ножа № 31 (996/36). Поскольку можно судить по описанию, это — обычная ручка скифского типа ножей. Было бы очень интересно констатировать наличие влияния Скифии в этой области.

Из статьи И. Г. Пидоплички мы впервые узнаем о составе и количественном соотношении домашних животных в Ольвии, о породах охотничьих животных и птиц, о рыбах, служивших пищей ольвиополитам. Преобладали коровы, притом часто комолые, что подтверждают данные Геродота.

А. Н. Зограф дал описание около четырехсот монет. Наиболее интересны монеты других городов: Тирь, Херсонеса, Пангикалея, ряда городов фракийского Понта, Калхедона, Прусия II Вифинского, Приены, Клазомен, Книда и т. д. Это указывает на разнообразие торговых сношений Ольвии, особенно для эллинистического времени.

А. С. Копевалов публикует эпиграфические находки тех же годов. Весьма интересна надпись № 1, правильно относимая к рубежу III—II веков до н. э.; это декрет почетного характера с упоминанием урочища Νομία ὁρίων. Мне, впрочем, кажется слишком произвольным восстановление перед этими словами этнического названия термина микселлинов. Надпись № 2 — почетный декрет римского времени в честь Сатурнина,

сына Писистрата, и других граждан города Прусиады. К сожалению, он слишком фрагментарен. Надписи № 3—8 — небольшие, мало что говорящие фрагменты. Очень жаль, что автор, много занимающийся керамическими клеймами, не дал их публикации. Он ограничился цифровым перечнем их по местам производства и переименованием тех, которые ему почему-то кажутся наиболее интересными. Далее автор упорно пытается опровергнуть выдвинутые мною положения о синопской принадлежности клейм с названиями астиномия и о гераклейском происхождении английских клейм. Однако его «опровержения» никакими деловыми аргументами не подкрепляются.

В разделе «Исследования» помещены прежде всего интересные статьи С. А. Жебелева: 1) «Что понимать под «Борисфеном» в IosPE, 1², 24?» и 2) «Ольвия и Митридат Евпатор». Первая из них убедительно доказывает, что под Борисфеном надписи следует понимать не Днепр, а Днепро-Бугский лиман. Статья перепечатана из ИТУАК, 1918, № 54, с небольшими дополнениями и изменениями. Вторая посвящена надписи IosPE, 1, 35: в ней упомянуты Ἀρμένιοι — жители Армены, пригорода Синопы, переселенные Митридатом Великим в Ольвию¹.

Последняя статья А. Н. Зографа «Находки понтийских монет Митридатовского времени в Ольвии» — хорошо гармонирует с предшествующей статьей С. А. Жебелева. Автор убедительно показывает, что распространение подобных монет не было случайным на Северном Причерноморье, но являлось частью системы Митридата VI по освоению этих областей, в частности Ольвии. В этом А. Зограф также совершенно справедливо видит начало той системы обращения золота и меди без серебра, которая установилась в Причерноморье с царствования Асандра.

В заключение отмечу, что внешне прекрасно оформленный сборник должен служить образцом для других отчетов по исследованию греческих городов нашего Юга. Особенно важна публикация материалов по отдельным, ранее не трактованным в нашей литературе вопросам, как местная керамика, кость, остеология животных и т. п.

Проф. Б. Граков

ПЛУТАРХ. «Избранные биографии», перевод с греческого, под редакцией и с предисловием проф. С. Я. Лурье, Ленинградский гос. университет, исторический факультет, М., 1941, 490 стр.

Рецензируемая книга распадается на две главные части: биографии греков V века, биографии римлян II и I веков до н. э.

Основной целью издания нового перевода «Избранных биографий» Плутарха, по словам редакции, является помощь преподавателю и студенту при работе в семинариях по античной истории. Руководствуясь этим соображением, редакция нашла нужным выбрать из «Жизнеописаний» наиболее интересные для изучения в студенческой аудитории, снабдив их вводными статьями и комментариями.

О пользе такого рода издания для нашего университетского преподавания не может быть двух мнений. Хорошо сделанный перевод с солидным, хорошо составленным комментарием является необходимым пособием в работе студентов-историков. С этой точки зрения появление книги, выпущенной историческим факультетом Ленинградского государственного университета, надо признать весьма своевременным и ценным. Авторы разбираемой книги весьма удачно остановили свой выбор на сочинениях Плутарха. В самом деле, ни одного из крупных исторических произведений Фукидида, Геродота, Полибия, Ксенофонта, Аппиана или Аристотеля нельзя читать со студентами, не пользуясь в то же время биографиями Плутарха; да и Плутарх сам по себе представляет чрезвычайно благодарный материал для студенческой аудитории. Самый выбор биографий — биографий деятелей V века для истории Греции и II—I веков

¹ См. также КСИИМК, вып. IV, стр. 31 и сл.